

**Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук**

Россия 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4,
т. (812) 328-19-01, факс (812) 328-11-40,
e-mail: iriran@pushdom.ru
<http://www.pushkinskiydom.ru>

Утверждаю:

Директор

ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской академии наук

В. В. Головин

Официальный отзыв

ведущей организации ФГБУН Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) Российской академии наук

на диссертацию иерея Иоанна Николаевича Кудласевича

«Архимандрит Леонид (Кавелин): церковный и научный деятель в России и на

Православном Востоке», представленную на соискание ученой степени

кандидата богословия

Многосторонняя деятельность архим. Леонида (Кавелина) изучается специалистами уже более ста лет, что определено масштабом его личности и творческого наследия. Однако целостного исследования, объединяющего биографию, деятельность архимандрита в разные периоды и на разных постах и комплексного осмысления его научного наследия до сих пор еще не предпринималось. Это определяет актуальность и новизну диссертационного сочинения иерея Иоанна Николаевича Кудласевича «Архимандрит Леонид (Кавелин): церковный и научный деятель в России и на Православном Востоке».

Одним из основных принципов исследования церковно-дипломатической, административно-управленческой и научной деятельности архим. Леонида (Кавелина) в диссертационном сочинении стал хронологический, который определил структуру работы: от

исследования биографии будущего архимандрита и его духовного становления через церковно-дипломатическое служение в составе Русской Духовной миссии в Иерусалиме и на посту временно исполняющего обязанности настоятеля церкви при российском посольстве в Константинополе, посещение в это время Афона, до служения настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, а затем – Троице-Сергиевой лавры. Таким образом, диссертация охватывает всю жизнь архим. Леонида, с 1822 по 1891 г.

Сложность работы обусловлена не только широкими хронологическими рамками, но и обширной источниковой базой и историографией, в полном объеме освоенной и критически осмысленной автором: об этом свидетельствует историографический обзор ретроспективного характера, включенный во «Введение» (с. 5–14). Внимания заслуживает предложенная автором периодизация истории изучения наследия о. Леонида. Необходимость в такой систематизации материала назрела в науке давно, но осуществлена только сейчас.

Привлечение к исследованию комплекса архивных документов – опубликованных и неопубликованных – из фондов РГБ, РНБ, РГИА, РГАДА, Архива внешней политики России, Государственного архива Смоленской области, Российского государственного военно-исторического архива, архивов Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне определило эвристический характер диссертации и позволило ее автору обогатить науку новыми ценными данными об истории русского присутствия на Православном Востоке, истории русского просвещенного монашества, отечественной науки и дипломатии второй пол. XIX в. Стоит подчеркнуть, что автор обратился к самой обширной, но при этом менее всего изученной эпистолярной части наследия архим. Леонида, сохранившейся в его личном архиве (РГБ. Ф. 148) и фондах его адресатов – деятелей науки и Церкви. Продуктивным оказалось привлечение к исследованию комплекса документов личного происхождения – дневников и воспоминаний самого архимандрита и его современников (графа С. Д. Шереметева, о. Никона (Рождественского), о. Товия (Цымбалова), архиеп. Саввы (Тихомирова)), а также материалов периодических изданий, с которыми в разное время сотрудничал архим. Леонид.

Выбор источниковой базы, описанной во «Введении» (с. 16–21), свидетельствует о высокой квалификации автора, широте его кругозора и профессиональном владении материалом. Глубину его освоения демонстрируют результаты проведенного исследования.

Так, в первой главе «Формирование жизненно-смысловых и духовных основ мировоззрения» соискатель оправданно обращается к проблеме становления личности и определения духовных ориентиров будущего архимандрита. И хотя эта часть работы по

преимуществу носит реферативный характер, автору удалось творчески осмыслить материал и убедительно показать, что сформированное в семье, во время обучения в Кадетском корпусе и послушнической практики в Оптиной пустыни мировоззрение о. Леонида, основой которого стал строгий аскетизм, во многом определило успехи и неудачи его дальнейшего служения.

«Иерусалимский период» деятельности о. Леонида в штатном составе Русской Духовной миссии под руководством епископа Кирилла (Наумова), а затем как ее начальника, описан в первом параграфе второй главы «Архимандрит Леонид (Кавелин) – церковный дипломат на Православном Востоке». Буквально по дням в работе восстановлен «самый драматичный», как его определяет соискатель (с. 128), период жизни архимандрита – деятельность на посту начальника миссии. С исчерпывающей полнотой в работе показано, что причиной конфликтов как с епископом Кириллом (Наумовым), так и с подчиненными из миссии и греческими иерархами стало не только расхождение аскетических идеалов архимандрита с реальной ситуацией, его критический взгляд на проблемы организации русского дела на Святой Земле, но и проблемы взаимодействия со светской властью в лице МИД, осложненные внутривластной борьбой петербургских партий и придворных группировок, а также скудное финансирование миссии. Все это привело к отставке с должности главы РДМ и заведения Св. Синодом «Иерусалимского дела о. Леонида». Необходимо подчеркнуть, что параграф «2.1. Иерусалимский период» имеет самостоятельную ценность для изучения истории русского присутствия на Христианском Востоке и, в частности, деятельности Русской Духовной миссии в Иерусалиме в 1860-х гг.

Второй параграф главы («2.2. Константинопольский период») охватывает 1865–1869 гг. – время служения о. Леонидом настоятелем посольской церкви в Константинополе до завершения его «Иерусалимского дела». В этой части диссертационного сочинения отметим удачно разработанную эпистолярную историю общения архим. Леонида (Кавелина) с архим. Антонином (Капустиным), сменившим его в Иерусалиме на посту настоятеля миссии (с. 132–137, 145–154, 217–221), и А. С. Норовым (с. 131–137, 145–154, 217–221). Характер исследуемого материала позволил соискателю раскрыть душевное состояние архим. Леонида (Кавелина) в период кризиса и неопределенности его дальнейшей судьбы. По письмам реконструированы деятельность архимандрита при посольской церкви и непростые взаимоотношения с дипломатом Н. П. Игнатьевым; проясняют они и позицию о. Леонида в отношениях с Иерусалимским Патриархатом. Не менее информативны и письма архим. Антонина (Капустина), демонстрирующие, насколько сложно протекал начальный этап его будущей плодотворной деятельности начальника Русской Духовной миссии.

Несомненной заслугой иерея Иоанна Николаевича Кудласевича является изучение «афонского» периода деятельности о. Леонида как церковного дипломата, позволившее опровергнуть существующее в науке мнение о несостоятельности архимандрита на этом поприще (параграфы «2.2.2. Дипломатические, духовные и культурные связи с Русским Свято-Пантелеимоновым монастырем» и «2.2.3. Российские дипломаты и афонские обители: посредническая деятельность отца Леонида»). Как показано в работе, посещение архимандритом Святой Горы, общение с русскими насельниками Пантелеимоновой обители, в которых он обрел особый тип благочестия, близкий его внутреннему настрою и духовному опыту, способствовали успешной посреднической деятельности о. Леонида в установлении прочных контактов между русскими иноками обители и российскими дипломатами. Результатом взаимодействия архимандрита с послом Н. П. Игнатьевым в защите интересов русских насельников Пантелеимонова монастыря в 1860-х гг. стало изменение его статуса среди других афонских обителей (с. 156–176). Немаловажной оказалась и посредническая помощь архимандрита в урегулировании греко-русского конфликта в Свято-Пантелеимоновом монастыре в 1870-х гг. Передача святогорцам по императорскому указу 1879 г. «на вечные времена» Симоно-Кананитского монастыря в Абхазии – еще одна заслуга архим. Леонида (Кавелина) как церковного дипломата, умело выстроившего общение афонских монахов с представителями МИД и духовной властью. И хотя участие в этих событиях о. Леонида описано и проанализировано уже в третьей главе диссертационного сочинения «Церковно-административная и научная деятельность в России», ее параграф «3.2. Связи с Православным Востоком: греко-русский конфликт в Свято-Пантелеимоновом монастыре на Афоне» составляет тематическое единство с указанными выше разделами второй главы. А потому кажется целесообразным объединить их в одной главе работы, чтобы обеспечить целостность и полноту этой части исследования. Показательно, что в «Заключении», подводя итоги изучения «афонского» периода деятельности о. Леонида, автор диссертационного сочинения следует именно этой логике: обобщая свои разыскания о константинопольском периоде служения архим. Леонида, расширяет их событиями 70-х гг. (с. 304, пункт 6).

Оценивая третью главу диссертации, подчеркнем ее новизну: ранее административно-хозяйственная деятельность архим. Леонида как настоятеля Воскресенского Новоиерусалимского монастыря и Троице-Сергиевой Лавры не становилась предметом специального изучения. Удачно автором выбрана мемуарная литература как источниковая база третьей части сочинения. Она позволила рассмотреть этот период жизни и служения о. Леонида буквально изнутри, определить его «болевы» точки, показать сложности и оценить достижения, охватывая при этом разные аспекты деятельности настоятеля – духовное

устройство братии, строительно-хозяйственную, реставрационную, издательско-просветительскую работу, попечение о паломниках и монастырских подворьях.

Научным вкладом автора в разрабатываемую тему является параграф «3.3.2. Троице-Сергиева Лавра в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», построенный на архивных материалах, преимущественно из РГАДА. Опираясь на них, соискатель представляет жизнь лавры в это время через работу монастырского госпиталя. Прибегнув к аналитико-статистическому методу, достаточно редко используемому для анализа такого типа материала, соискатель убедительно демонстрирует вклад лавры под руководством о. Леонида в лечение, реабилитацию, возвращению к жизни солдат – участников войны, и, шире, – в историю России этого времени.

Учитывая, что целью диссертационного сочинения заявлено рассмотрение трех взаимосвязанных аспектов жизни и деятельности архим. Леонида (с. 15–16), то ожидаемо, что они определяют и композицию работы. Но если биографии, служению о. Леонида как церковного дипломата и настоятеля монастырей посвящены отдельные главы, то обозрению научной деятельности отведены два параграфа второй и третьей глав – «2.2.4. Научные изыскания на Православном Востоке» и «3.4. Научная деятельность». Спорадически автор обращается к научным исследованиям архим. Леонида и в других параграфах исследования (с. 44, 57–59, 161–165, 243–244.). Однако концептуально оправданно было бы оформить обзор научной деятельности архимандрита в самостоятельную главу. Тем более, что последовательно выдержать хронологический принцип исследования в этой части диссертации не удастся. Так, в третью главу, отражающую жизнь архимандрита с конца 1870-х по 1891 г., включены его ранние исследования, например, в области церковной археологии, относящиеся к 60-м гг. Сам обзор этого корпуса сочинений о. Леонида актуален для понимания масштаба его научной деятельности, а автору диссертационного сочинения через него удалось показать архимандрита не только как краеведа, но и как крупного исследователя в области церковной археологии, труды которого способствовали становлению и развитию жанра церковно-приходской летописи и обогатили науку корпусом ценных источников (с. 286–293). «Возвращает» автор диссертации о. Леониду и открытие им самой древней в Святой Земле Фаранской лавры, местонахождение которой было установлено исследователем в результате изучения целого ряда источников, а организованная им экспедиция 1865 г. обнаружила останки памятника, но это археологическое открытие архимандрита оказалось забытым на долгое время (с. 206–208). В этой части работы отметим удачный анализ исторического очерка «Лавра св. Саввы Освященного», в котором описан круг использованных источников (с. 208), а также ретроспективный обзор трудов по изучению «славянщины», созданных в константинопольский период деятельности о. Леонида

и, как показывает соискатель, основанных на материале афонских библиотек и архивов (с. 212–214).

Принципиальных замечаний к работе нет, однако можно высказать некоторые пожелания. Принимая во внимание широту хронологических рамок исследования и разнообразие материала, автору диссертации стоило обобщить свои наблюдения не только в «Заключении», но и сопроводить выводами отдельные разделы и параграфы работы. В ряде случаев соискателю нужно смелее высказывать свою точку зрения на изученный материал, а не ограничиваться аннотированием мнений предшественников. Так, в заключении параграфа «2.1.4. Во главе Иерусалимской миссии» автор привел известные точки зрения на вопрос (с. 128), хотя уровень освоения материала, логика его изложения позволяют ему прямо говорить о том, что неудачи деятельности архим. Леонида на посту начальника миссии определил комплекс причин объективного и субъективного характера.

Эти моменты, как и размышления о композиции работы, не умаляют ее достоинств, а только подчеркивают сложность и многогранность изученного материала и решаемых в исследовании проблем.

Положения, выносимые на защиту, возражений не вызывают. Цели и задачи исследования сформулированы корректно, им соответствует методологическая база. Автореферат полностью отражает содержание диссертации. Основные выводы работы нашли отражение в докладах и в публикациях в изданиях, входящих в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней доктора богословия, доктора церковной истории и кандидата богословия.

Все сказанное позволяет утверждать, что диссертационное сочинение «Архимандрит Леонид (Кавелин): церковный и научный деятель в России и на Православном Востоке» представляет собой самостоятельное, новаторское и завершенное научное исследование, отвечающее требованиям, предъявляемым к написанию и оформлению диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия, а его автор – иерей Иоанн Николаевич Кудласевич – заслуживает присуждения ему степени кандидата богословия.

Отзыв составила кандидат филологических наук старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы И. В. Федорова. Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН 6 марта 2023 г. (протокол № 193).

Заведующая Отделом древнерусской литературы

ФГБУН Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) Российской академии наук

доктор филологических наук

С. А. Семячко

